

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВА: ТЕАТР БЕЗ ИНТРИГ — ЭТО НЕ ТЕАТР

— Говорят, что ваша блистательная театральная карьера началась с семейного разлада...

— Папа мечтал, чтобы я стала зубным техником: они всегда при деньгах. «Вот выучишься, купишь тебе портативную машинку, будешь по домам ходить, сверлить, пломбы ставить...». Мое поступление в театральный он вообще не принял всерьез, решил, что я просто сбежала из дома, опозорив всю семью. Ни одной моей работы он так и не увидел — в год, когда я впервые вышла на сцену, его не стало. Мама тоже не смирилась: смотрела все мои спектакли и никогда не упускала случая меня покритиковать. Зато мне повезло с педагогом: по воле Божьей я попала на курс к Василию Петровичу Маркову. Он сумел, не лишив меня того, что уже было заложено природой, как-то организовать всю эту бесформенную массу.

— Вы играете и в репертуарных спектаклях, и в антрепризе. При такой нагрузке не боитесь халтуры?

— Если актер позволяет себе халтурить, он будет халтурить всегда и во всем. Понимаете, мне уже незачем, стоя за кулисами, долго настраиваться, чтобы выжить нужную эмоцию: все происходит само. Я привыкла к сцене, и поэтому всегда завишаю планку. Знаю, что если сегодня что-то не сложится на спектакле, я потеряю зрителя, а я не имею на это права. К тому же мне нравится работать с сильными партнерами, а где еще найдется столько звезд, как в антрепризе? Кроме того, здесь совершенно другие отношения между людьми, никто никого не подсиживает. Театр без интриг — это не театр: там надо без конца прогибаться, постоянно доказывать, что ты что-то значишь, расчищать место вокруг себя, чтобы близко никто не стоял. Это все я проходила в молодости, известная актриса, с которой я играла, так и говорила: «Вот сейчас пойду я. Сосчитаешь до десяти, можешь выходить...». «Да хоть до ста! — думаю. — Иди, иди первая!...».

— Правда ли, что вы принимаете самое активное участие в создании своих костюмов?

— Правда. Стоит устроиться — выходит полная лажа. Я лишний раз в этом убедилась, оставшись без костюма в спектакле «Бумеранг». Художница показала вполне приличные эскизы, я успокоилась... и к премьере получила кошмарное белое платье, длинное, обтягивающее. Посмотрела в зеркало — вылитая женщина с веслом! «Лена, — говорю, — зачем мне белое?!». «Ну, не хочешь белое, будет черное...». Вывернули его наизнанку, получилось кошмарное черное платье. В результате мне приходится играть в платье собственной дочери. Всякий раз, надевая его, я испытываю стресс: вдруг не влезу!?

— Ваши дети не собираются посвятить себя искусству?

— Сын честно отучился год во ВГИКе, год во МХАТе, но, видно, не пришелся ко двору, он у меня и так не подарок, а в то время

был к тому же ужасный драчун... В конце концов окончил юридический. Дочь выбрала менее экзотическую профессию: решила стать тележурналистом.

— Чего бы вы пожелали своей дочери?

— Независимости. Подруги твердят: «Замуж, немедленно выдай ее замуж!». Но мне гораздо важнее, чтобы моя дочь состоялась как личность, а не висела на мужниной шее. Я давно уже не завишу от мужчин. Правда, приходится самой себе делать подарки, кроме цветов, конечно, — до такого еще не дошло. Зато я никому ничего не должна.

— В театральном мире у вас есть две знаменитые однофамилицы. Путаницы не случается?

— Нет, ни с одной из Васильевых меня никогда не путали. Вот с певицами — пожалуйста, сразу с двумя: Аллегровой и Агузаровой. Иногда на улице останавливают: «Вы — Жанна? Можно автограф?». Сперва неловко было, потом привыкла, стала листочки всякие подписывать, жаль разочаровывать, когда человек два квартала за любимой артисткой пробежал...

— Вы много гастролируете. Где, по-вашему, публика лучше?

— Она везде разная — не лучше и не хуже. Однажды мы играли премьеру в Луховицах, это была «Примадонна», сложный, длинный спектакль — о Марии Каллас, оперном искусстве, правильном пении... А зритель пришел в валенках, в телогрейках. В самом центре зала сидит старичок, розовощекий такой, румяный, — спит. «Не тревожьте его, пожалуйста!», — попросила я. «Не будем, не будем!...», — зашелестел зал. Я поняла, что передо мной святые люди, которые все, что я скажу, примут за чистую монету. А у меня столько текста, резкого, обращенного в зал: «Спектакль — это война. Публика — враг. Мы должны поставить вас на колени. Если меня начнет волновать, что вы думаете обо мне, я никогда не смогу победить. Искусство дает власть. Оно заставляет людей думать, что в этот момент есть только один голос — ваш». Как быть? Играть весь спектакль — безумие; что делать, непонятно, — значит, можно все!

С улицы дул ветер, распахивалась дверь, прямо на сцену влетали, все в снегу, какие-то дети, я их выставляла. «Маня, закрой там дверь!», — доносилось издали. «Щас!», — отзывалась неведомая Маня. Когда моя героиня по ходу действия потребовала погасить свет, несколько человек тут же сорвались с мест и бросились к выключателям... Это были три часа сплошной импровизации, абсолютной свободы; это был настоящий театр в его первозданном, стихийном, народном воплощении. В Москве я никогда не испытала бы ничего подобного.

— Вам доводилось работать вместе с Константином Райкиным. Каковы впечатления?

— С ним тяжело. Мне нужно общаться, видеть глаза, а Константин работает сам по себе, «в стенку» — ему так проще.

Татьяна Васильева родилась 28 февраля 1947 года в Ленинграде. После окончания Школы-студии МХАТ работала в московском Театре сатиры. Известность ей принес кинематограф: «Здравствуйте, я ваша тетя!», «Дуэнья», «Сказки старого волшебника», «Самая обаятельная и привлекательная», «Моя морячка», «Увидеть Париж и умереть» — всего более сорока ролей. Среди театральных работ выделяются Аркадина в чеховской «Чайке» (театр «Школа современной пьесы») и роль «аидише мамэ» в спектакле «Золото» по пьесе Й. Бар-Йосефа (режиссер Роман Козак). Народная артистка России, лауреат премий «Ника» и «Кумир».

Это нормальная, вполне допустимая актерская техника, но — не моя. Я люблю работать с Валерием Гаркалиным, у нас есть несколько спектаклей, в одном он играет моего сына, в другом — любовника, в третьем — брата. Он очень интересный, тонкий актер; с удивительной индивидуальностью; он комик, как и я. Если попадает серьезная роль, Валерий старается найти в ней смешное — и наоборот. Как многим актерам-мужчинам, ему нужно, чтобы все его любили, все восхищались. Он шепчет мне за кулисами: «Ну, как я сегодня?». «Валера, ты Бог!». Просияв, он выбегает на сцену, и играет — божественно.

— Вам нравится сниматься в кино?

— Никогда не считала себя киноактрисой. Я боюсь камеры. В основном, эти страхи связаны с внешностью: все время кажется, что я плохо выгляжу — толстая, сутулая, нос длинный. Умом-то я понимаю, что это не мои проблемы, а операторские, но тысячи комплексов, появляющихся перед камерой,

страшно мешают. В театре ничего подобного не бывает, там я — самая красивая.

— Говорят, вы коллекционируете картины...

— У меня дома много картин, но я никогда не руководствуюсь ни престижностью, ни надеждой, что через десять лет эта вещь будет стоить бешеных денег. Это чисто эмоциональное движение. Есть художники, в которых влюбляешься сразу, а бывает, что ничего не чувствуешь. Взял Малевича: я простояла у его «Черного квадрата» битых полчаса, созная свое полное ничтожество, но так и ушла ни с чем... Я люблю итальянское Возрождение, люблю импрессионистов. Из современных художников мне ближе всего Медведевы, Ольга и Екатерина. У них очень странные, необычные сюжеты. Друзья приходят, удивляются: «Ты что тут повесила? Сними сейчас же!». А мне нравятся их театральные персонажи — все эти женщины с вытянутыми головами, в диковинных одеяниях. Мне с ними хорошо.

— Что вы будете делать, если придется покинуть сцену?

— Это невероятно больно, когда актер вынужден уйти, — в здравом уме и на своих ногах. Сцена — вся жизнь, хотелось бы на ней и закончиться. Не знаю, что буду делать без нее. Не пропаду, наверно. Преподавать точно не пойду: это не всем дано. То ли дело Гаркалин — он профессор ГИТИСа, у него много своих учеников, младшие курсы его обожают, а мне так жалко всех этих детей! Когда понимаешь, что большинству из них ничего не светит, руки опускаются.

— Актерская профессия — это нон-стоп. Вы не чувствуете усталости?

— Я безумно устаю. Иногда хочется прийти домой, упасть с книжкой на диван — и чтоб никто не трогал! Но, если честно, то я прошу Бога лишь об одном: чтобы Он дал мне столько работы, сколько я в силах понести.

Встречалась
Марина ГОРДОН

Татьяна Васильева, Леонид Трушкин, Константин Райкин.